

От ненависти До любви

**ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА**

ДЕНЬ ИЗ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

От ненависти до любви

Дарья Кожевникова

День из чужой жизни

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

День из чужой жизни / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2018 — (От ненависти до любви)

ISBN 978-5-04-097455-9

Людмила привыкла заботиться о детях, но они выросли и разъехались, боготворила мужа – а он нашел себе молоденькую. Что делать одинокой женщине? Конечно, начинать новую жизнь! Теперь за ней по пятам ходят сразу три молодых человека. Правда, хотят они не любви и ласки, а информации – неблаговерный супруг Людмилы увел с завода огромную сумму денег, обманув всех своих подельников и поставив в тупик следственные органы. Такой прыти от своего бывшего Людмила не ожидала. Неужели все дело в той самой юной особе, очаровавшей его и заставившей совершить преступление? Но при чем здесь она сама?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097455-9

© Кожевникова Д. С., 2018
© Эксмо, 2018

Дарья Кожевникова

День из чужой жизни

© Кожевникова Д.С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

С чего все началось? С того, что меня муж бросил. Да, вот так бывает: прожили вместе больше двадцати лет, но когда на горизонте замаячил серебром наш семейный юбилей – раз! – и все. Заботливая, домашняя, родная, можно сказать, я просто оказалась поставлена перед фактом: уходит. И, разумеется, к молоденькой. Конечно, я уже далеко не та куколка, что раньше была, годы свое сделали, но и не крокодил какой, очень даже многое у меня осталось от прежних времен. Да и муж мой успел завести за нашу совместную жизнь пару-тройку косметических дефектов, так что было бы один-один, как говорится, если бы не одно «но»: мужики-то нынче в цене. И в отличие от нас, баб, и после сорока лет преспокойно могут завести себе молоденькую. Что мой... (простите, не буду выражаться) и сделал. Да, он у меня и раньше погуливал, но я к этому спокойно относилась. Считала, что мужики в ином случае просто теряют голову и начинают думать... ну, каждый знает чем. Так вот, видно, зря я старалась пребывать в состоянии покоя, потому что в один прекрасный день голова у мужа так и не прояснилась. А может, наоборот. Как знать? Нет, не стала я его судить. Обидно было до чертиков, словами этого не опишешь. А тут еще подруги налетели, как вороны, вдохновенно каркая: «А помнишь, мы тебе говорили»? Говорили, ну и что? У кого-то мужики поубегали из дому, не выдержав скандалов – то есть результат получился тот же самый, что и у меня. А я вот своему скандалов не устраивала, так что, может, хоть вспомнит когда добрым словом.

Короче, вот в такой я оказалась ситуации. Пережила первый шок, вырвелась тайком, разогнала подруг, кого добрым словом, кого веником, но, по-моему, все они остались в твердом убеждении, что я чокнутая. А мне не до того совсем было, чтобы из-за их мнения голову пеплом посыпать. Плюнула я на все их разговоры, одержимая одной-единственной мыслью: разузнать, кто же та самая пассия, ради которой мой благоверный отправил меня в отставку. Интересно, знаете ли, оценить, на кого же тебя, старую галошу, променяли. Впрочем, нет. Стоп! Не такая уж и старая – 43 года. И, если разобраться, то не совсем уж и галоша. Да, подрастолстела, но стройные ножки колесом от этого не загнулись. Да, мелкие морщинки на физиономии завелись, но глаза от этого меньше не стали, и нос у меня не кривой, и губы карандашом подводить не приходится, потому что и так они удались, немного подкрасить – и просто супер! В общем, товар далеко не последнего сорта, и в моей голове под натуральными блондинистыми локонами даже кое-какие мозги имеются.

Одним словом, чего только моему мужу во мне не хватало – уж не знаю. Но получилось так, что в солнечный день, ранней весной, отпросившись с работы пораньше, я стояла на углу возле высокой ограды, одетая, как заправский детектив, в темный плащ, в темных очках, с шарфом на голове. Стояла и смотрела на двери восточной заводской проходной – муж у меня работает на градообразующем предприятии, на котором и я же тружусь. Так что после расставания совсем было бы мучительно, если бы не тот факт, что предприятие наше огромное, размером с небольшой городок, а работаем мы с мужем в разных отделах, поэтому домой, на свободу, так сказать, мы выходим через разные проходные: я через северную, а он через восточную. Раньше, пока мы жили вместе, имея одну машину на двоих, это создавало определенные неудобства, зато теперь оказалось в самый раз. Вот и сегодня я вышла через свою проходную и ждала, когда он выйдет и поедет за своей пассией.

Дождалась. Вышел, как обычно, одним из первых, предворяя основную массу идущих со смены работяг, огляделся по сторонам, словно почувствовал, что я его караулю. Выбрит, подстрижен, одет соответственно случаю. Мне даже показалось, что я ощущаю аромат его одеколона, хотя на таком расстоянии это и невозможно. Но что поделаешь: рефлекс. Муж мой в основном консервативен, имеет многолетние стойкие привычки, и склонность к одной и той же марке одеколона входит в их число. А у меня его внешний вид (если это только не утренний вид в выходной день – в пузе и в семейных трусах) стойко ассоциируется с этим запахом. Впрочем, от пуза-то мой благоверный попытался избавиться, построил диету. То ли специально на диете сидел, то ли от более хлопотной жизни, то ли просто хуже стали кормить. Ну, в общем, просто медный пятак, начищенный до золотого блеска. Только меня-то не проведешь, я знаю, чего он на самом деле стоит.

И вот, пересек мой неверный супруг площадь, направляясь к своей (а еще недавно – нашей) машине на стоянке. Я, стараясь от него не отставать, поспешила к своей. Точнее, не к своей, а к одолженной на вечер у Ирки, старинной моей приятельницы, эмансипированной мадемуазель. Ирка, единственная из всех, узнав про мою беду, не стала поучать меня, а просто сказала, пожав плечами:

– Туда ему и дорога! Ты-то что расстраиваешься? Квартиру освободил? Самое главное! А на остальное плюнь!

Да, ей-то легко говорить, она мужиков меняет как перчатки, ни к одному из них не успевая привыкнуть. А может, так и надо жить? Ни расстройств, ни проблем, а чуть только тебя попытались озадачить – с легким сердцем указываешь паршивцу на дверь, чтобы в скором времени найти достойную замену и испытать с ней всю новизну, всю прелесть первых свиданий. Я же, как дура, год за годом добросовестно тянула свою лямку. Вначале прощала милому и тогда еще молодому супругу все его недостатки потому, что была влюблена, а это чувство, как известно, способно завуалировать очень многие дефекты. Потом привыкла, да и некогда стало замечать, что в муженьке плохого, а что хорошего: один за другим появились сын и дочь, и пришлось мне делить внимание и силы уже на троих. Так на трассе «работа – дом» пролетели годы. Дети, еще недавно учившиеся ходить и самостоятельно есть из тарелки, научились и тому, и другому, и потопали в первый класс, а потом повзрослели так стремительно, что я даже не успела этого заметить. И разлетелись из родного гнезда по разным городам. Дочь Юлька живет теперь у тетушки, сестры моего неблаговерного, и учится на юридическом факультете университета, а Димка, самостоятельный мой, живет сам по себе, уже отучившись и работая программистом в крупном концерне областного города. Может, и девушку себе уже постоянную завел? Не знаю точно, мне пока не счел нужным доложить. Он у меня молчун – этим Димка больше в меня, чем в папу. И оба они с Юлькой домой теперь приезжают лишь изредка, большей частью только на крупные праздники. Так что осталась я после их отъезда с тем, с чего и начинала семейную жизнь: со своим супругом, который, единственный из всех троих, до недавнего времени упорно отказывался взрослеть. Обхаживала я его и берегла как драгоценность, следила, чтоб на работу ходил в чистых рубашках, старалась со стряпней угодить... Да что я перечисляю! Кто сталкивался с этим, тот знает, а кто не сталкивался – так лучше и не надо. Но для меня все эти каждодневные хлопоты о нем, с полным забвением себя, еще до недавнего времени были смыслом жизни. А потом, в один прекрасный день, весь этот мой хрустальный замок рассыпался на миллиард звенящих осколков...

Но я опять отвлеклась! Стараясь не сильно беречь свои душевные раны, чтоб не кровоточили, проскользнула я в Иркину машину, включила зажигание. Машина завелась сразу: Ирка, даром что баба, в технике знает толк и смотреть за ней умеет куда лучше, чем за спутниками жизни. А вот у неблаговерного моего что-то с зажиганием случилось, завелся где-то так с третьей попытки, даже под капот сходил заглянуть с умным видом. Так и хотелось ему свистнуть через дорогу, что бендекс пора поменять. Но в итоге справился: видно, глаз у него

хороший, раз одним только взглядом помог машине завестись. И вот, тронулись мы в путь: вначале он, а за ним, поотстав немного, я. Впрочем, того, что он узнает меня, я могла не опасаться: Ирку он никогда не любил, предпочитал с ней не видеться (как и она с ним) и с машиной ее не знаком, поскольку меняет она их едва ли не так же часто, как и своих мужчин. Я потому и попросила машину именно у Ирки. Она дала мне ее без вопросов, зная, что мой семейный гараж опустел, так сказать, вместе с гнездом. Но – держу пари! – если бы она только прознала, с какой целью я прошу ее темно-зеленую красавицу «Ауди» годовалого возраста, то вместо машины получила бы я длинную и темпераментную отповедь, которая наверняка закончилась бы уверениями в том, что я умом тронулась, если, вместо того чтобы радоваться, сбыв залежалый товар с прилавка, таскаюсь еще за ним с никому не понятной целью. Но, как я уже говорила, Ирке никогда меня не понять, потому что она – птица вольного полета, я же – глупая курица, всю жизнь не желавшая знать ничего, кроме своего курятника. Нет, все-таки хотелось бы мне хотя бы на минуту оказаться в небесной канцелярии, чтобы задать там единственный вопрос: кто же все-таки из нас с Иркой прав? Но поскольку аудиенции мне там давать никто не собирался, то потащила я вслед за пока еще законным (развод мы не успели оформить) супругом по улицам, запруженным в это время дня машинами, везущими домой закончивших очередной рабочий день моих сограждан.

Слежка моя особым успехом не увенчалась: я не только не узнала, где работает моя юная разлучница, но и ее саму едва не проворонила, потому что села она к моему милому в машину на перекрестке, у светофора. Я лишь в последний момент сообразила, кого именно вижу, и даже лица не успела разглядеть. Запечатлелся в памяти лишь силуэт: стройная, как стебелек, среднего роста, и платиновые кудри до плеч. Да, еще что-то из косметики промелькнуло, не слишком яркое, подобрано со вкусом, ничего не могу сказать. Тут я, надо признаться, несколько приуныла – и из-за своей неудачи, и из-за того, что разлучница оказалась не вульгарной девицей, а вполне симпатичной молодой женщиной (кстати, ненамного старше нашей Юльки).

Проводив голубков, несколько раз притормозивших у магазина, до их дома, я понаблюдала немного из своей машины за тем, как мой неблаговерный, балансируя многочисленными пакетами, ухитрился закрыть машину, а потом двинулся к подъезду вслед за своей пассией, обремененной одной лишь маленькой дамской сумочкой. Вот что любовь-то с людьми творит! А при мне-то и не знал, с какой стороны у хозяйственной сумки ручки находятся. Тяжело вздохнув, я поехала восвояси.

Оставив машину на стоянке у Иркиного дома, где она всегда ее и держит, я пошла к Ирке, чтобы отдать ей документы и ключи, а заодно договориться о повторном прокате транспортного средства. Подойдя к подъезду, нажала кнопку видефона – Ирка была не последним человеком в торговле, даже владела пакетом акций какого-то крупного супермаркета и жила, естественно, не в трущобах.

– Хэлло, Людок! – услышала я беззаботный Иркин голос. – А, заходи, дорогая, гостьей будешь, – Ирка попыталась симитировать грузинский акцент.

Щелчок – и дверь подъезда открылась передо мной. Я поднялась по лестнице, мимо расставленных на площадках кадок с цветами, на третий этаж. Ирка уже ждала меня на пороге квартиры, стройненькая, как девчушка, в стянутом пояском на талии шелковом халатике, перебивающимися складками спадающем вдоль стройных бедер, а выше пояса смело открывающем большую часть груди, где, должна заметить, было что показать. От Ирки прямо-таки веяло свежестью и дорогими духами.

– Вот, – протянула я ей с порога ключи. – Возвращаю в незапыленном виде.

– Ну, спасибо, – хихикнула Ирка. – Только через порог вообще-то ничего не дают. Зайди.

Я вошла, по-прежнему протягивая ключи. Ирка взяла их и швырнула на изящный полированный столик в прихожей; у Ирки даже прихожая выглядела почище некоторых гостиных.

– А теперь раздевайся, – потребовала Ирка.

– Ты одна? – неуверенно спросила я, зная, что вообще-то у нее в данный период времени имеется ухажер.

– Одна, как пень среди леса, – заверила меня Ирка. – Мы со Свиридовым разругались. Так что давай отметим это дело – и твое, и мое. А то что-то мне скучно.

– Как разругались? – спросила я, вешая плащ. – Ведь еще вчера...

– А долго ли? – отмахнулась Ирка. – Главное, знаешь ли, чтоб скандал как следует назрел, и тогда все происходит, как при назревшем чирье: малейший укол – и поперло гнусное содержимое. Он мне давно уже намекал, что неплохо было бы вместе зажить. И почему только в кино вечно показывают, что это именно бабы замуж хотят? Черта с два, это мужики, не успев завести любовницу, тут же начинают думать, как бы побыстрее сделать ее дармовой домработницей. А мне оно надо? О себе бы, любимой, успеть позаботиться, да еще ведь пашу на работе как вол и прихожу домой, надеясь, естественно, отдохнуть в тишине и покое. И совсем не вижу радости в том, что у меня дома на диване будет в это время лежать кто-то, вываливать на меня свои проблемы, да еще и ждать, что я приготовлю ему ужин и постираю носки. Ну, в общем, после того, как выяснилось, что у нас с ним диаметрально противоположные точки зрения на совместную жизнь, он мне высказал, что я не женщина, а пустозвон и пустоцвет и что жизнь у меня – просто существование, поскольку нет в ней абсолютно никакого смысла. Как тебе это нравится, а? Это выходит, что если он для меня становится царем и богом – значит, я живу, а если он мне нужен как собаке пятая нога – это я уже, значит, существую, потому что не желаю никого тащить на своем горбу. Нет, ну каково? – бушевала Ирка, уже успев затащить меня в столовую, а также поставить на стол хрустальные фужеры и бутылку замысловатой формы.

– Ир, я... – я попыталась было возразить, но Ирка, не остыв после своего Свиридова, с ходу перебросилась на меня:

– Ты-то хоть из себя не строй! Вот за что тебя люблю – так это за то, что ты в грязи меня никогда утопить не пыталась, не в пример другим моим подруженькам, кошкам двуличным. Меня осуждают, а главное, сами-то с радостью точно так же зажали бы, если б только возможность была. Так что иди, мой руки! Полотенце знаешь, где искать.

Поняв, что Ирке необходимо выговориться, я смирилась. Села за стол. Чокнувшись с ней, я опрокинула в себя какое-то дорогое марочное вино. Вообще-то я не пью (одним словом, дама, идеальная во всех отношениях), но сегодня наглядно поняла, что значит фраза «горе залить». Иркино вино так на меня подействовало, что нервы мои, в последние дни сжатые в тугой комок, расплелись в тонкое кружево. Окружающие предметы стали казаться ярче, а вот все мои горести, напротив, потускнели. И я, совсем забыв о том, что недавно занималась самоистязанием, подглядывая за бросившим меня мужем, принялась выслушивать Иркины душеизлияния, где-то сочувствовала ей, а где-то даже пыталась советы давать. Оказалось, что Ирка, несмотря на свое внешнее благополучие, тоже по-своему несчастный человек, но выдавать услышанные мною в тот вечер секреты я, конечно же, не буду.

Когда большие настенные часы в Иркиной кухне пробили полночь, мы с ней все еще сидели в столовой на диване, обнявшись и выкладывая друг другу все наши обиды на «кобелей проклятых», а со стола на нас взирала разлученная со своим содержимым бутылка. Вторая, кстати, по счету. Когда пробило двенадцатый удар, Ирка встрепенулась:

– Ничего себе! Тебе завтра на работу?

– Ага, – кивнула я.

– И мне тоже. – Ирка вздохнула. – Хорошо посидели. Ни с кем я еще так не болтала, как с тобой. Не подлая ты, а в наше время это ох какое достоинство.

Пока она меня таким образом расхваливала, до меня наконец дошло, что вставать-то утром придется рано, и вообще надо как-то еще умудриться добраться до своего дома, а время на улице далеко уже не детское. Встревожившись, я встала, но Ирка тут же опустила меня обратно:

– Ты куда это? Никуда я тебя сегодня не отпущу, у меня ночуешь.

Представив себе, как я бреду по улице, шарахаясь от каждой тени, а затем вхожу в свою темную и пустую квартиру, где и словом перекинуться не с кем, я согласилась. Наспех убрав со стола, мы с Иркой стали готовиться ко сну. Для меня это всегда было просто: разделась, умылась – и в койку. Ирка же превратила этот процесс в целое представление. Я не успела еще принять душ с каким-то антицеллюлитным мылом, а Ирка уже тыкала мне в руки баночку с кремом для тела. После этой баночки последовала вторая.

– Лицо намажь, – скомандовала Ирка. – Крем французский, просто волшебный: утром даже намека не будет ни на отечность, ни на мешки под глазами.

Я вняла Иркиному совету, но этим дело не кончилось: отдельно пришлось мазать веки, потом делать массаж лица и шеи. И, пардон, бюста.

– Да ты что, никогда этим не занималась? – видя мое недоумение, удивилась, в свою очередь, Ирка. – Ну, мать, возмусь-ка я за тебя, а? – Тут ее взгляд упал на мой далекий от плоской формы живот. – Причем по полной программе. Запишу в свой фитнес-клуб, рекомендую тебя одному массажисту, обеспечу косметикой.

«Ладно, – подумала я, – фантазирую сейчас о чем хочешь, утром все равно все забудешь».

Утром, то ли благодаря чудодейственному Иркиному крему, то ли благодаря другим каким-то капризам природы, лицо у меня было действительно почти как у девочки непереклонного возраста. Воспользовавшись великодушно предложенной мне Иркой декоративной косметикой, я привычно нанесла на лицо несколько традиционных цветных пятен, чем привела приятельницу в настоящий ужас. Нет, определенно Ирка решила взяться за меня обеими руками – то ли потому, что я, как она выразилась, не подлая, то ли по той причине, что всем нам, женщинам, надо о ком-то заботиться, потребность в нас такая заложена природой. И Ирка, несмотря на всю свою эмансипированность, не являлась исключением. А тут я кстати подвернулась в тот самый момент, когда Свиридов получил отставку. В общем, заставила меня Ирка смыть всю мазню, а затем перерисовать все по-новому, как ей хотелось. Ну, чтобы не обижать хорошего человека, сделала я все так, как ей хотелось, и мне даже самой понравилось: глаза стали какие-то таинственные и выразительные, а сама кожа свежее.

– Мордашка у тебя что надо! – восхитилась Ирка. – И что только твоему старому козлу надо было?

Ирка не привыкла стесняться в выражениях, что меня, честно говоря, несколько коробило. Но Ирка, тут же поняв свою оплошность, ойкнула, чмокнула меня в щеку и заявила:

– Осталось только фигуру отточить. Все! Решено! Пойдешь со мной в фитнес-клуб.

– Я фитнесом занимаюсь с сумками по лестнице да с тряпками по квартире, – ответила я. – А что до твоего клуба, то там абонемент стоит, поди, три мои зарплаты.

– Эко, хватила! – рассмеялась Ирка. – Не три, меньше. А ты теперь одна. Для кого экономить-то собираешься?

– Какая одна, – проворчала я. – Не забывай, что у меня еще имеются два пусть и не очень бедных, но ребятенка.

– Один из которых уже работает вовсю, другая тоже подрабатывает, да и тетушка пускай поможет, внесет, так сказать, свой вклад, – оборвала меня Ирка. – А если уж они тебя так заботят, то экономь! Только не на клубах и косметике, а на лишней булочке. Пересмотри весь свой рацион! Тем более что лето на носу, а значит, свежие овощи-фрукты! Тебе надо во что бы то ни стало выбираться из образа замужней женщины. Ты никогда не задумывалась над

тем, почему всех баб почти безошибочно можно с первого взгляда разделить на замужних и незамужних?

– Ну и почему?

– У незамужних раскраска боевая, доспехи, так сказать, блестят, и вообще они во всеоружии. А замужние? Ну есть, конечно, такие, которые ни при каких обстоятельствах уважения к себе не потеряют и любить себя продолжают, не забывая. Есть и те, кто живет в постоянном страхе, что муж от них ускользнет к другой, – это, знаешь ли, тоже держит в тонусе. Остальные же пребывают в состоянии полного благодушия: все, завела семью, теперь можно сбрасывать обременительное яркое оперение, потому что приманивать им некого. Есть! Мужа! А об этом, к сожалению, многие забывают, считая, что раз уж он выбрал ее, то никуда уже больше не денется. Но выбирал-то он ее другую! И зрения не потерял.

Я не спешила соглашаться с Иркиными словами, но что-то в них задело меня за живое.

Аж зло взяло, только я не поняла, на кого: на себя, на моего неблаговерного или на Ирку. И, не зная, на кого же из троих мне излить свои эмоции, плюнула я на все и... согласилась пойти в этот клуб. Тем более что Ирка мне там скидку какую-то обещала, а времени у меня свободного было теперь хоть отбавляй, обслуживать-то с некоторых пор приходится уже одну только себя, а в пустой квартире по вечерам настолько тоскливо и тихо, что где угодно лучше покажется. Ну а деньги... Да черт с ними, с деньгами! Сколько бы их ни было, а все равно никогда не хватает, это уже проверено.

Мы с Иркой так заболтались, что чуть на работу не опоздали. Вылетели из дому, не успев даже по чашке кофе перехватить, но зато выглядели как две принцессы. Это даже мои коллеги подметили. Сколько раз я в этот день выслушала:

– Ах, Людочка, какая ты сегодня у нас! Ну вот, стоило только твоему Гутярину...

Ну, не дословно, конечно, все говорили, и интонация при этом у всех была разная – у кого-то приправлена сочувствием или одобрением, а у кого-то змеиным ядом собственного производства – но вариации были именно на эту тему. А кто молчал – те смотрели не менее красноречиво. Я себя в этот день чувствовала как музейный экспонат в первый день выставки, и так меня доняли, что под конец я чуть было умыться не побежала. Но потом подумала: решат ведь, что ревела и всю косметику смыла слезами. А я очень не люблю свои чувства на людской базар выносить, вот и крепилась до конца рабочего дня. И твердо решила, что на следующий день – кому в удовольствие, кому назло – снова разрисуюсь по-Иркиному.

Как выяснилось, глупо было надеяться, что Ирка забудет данное под соответствующее настроение обещание взяться за меня всерьез. Ирка ничего не забывала, иначе не сделала бы себе такую карьеру (хотя, может, помогла ей в этом и не только память). И пошла я с ней в ее спортзал. Просторное и светлое помещение, полы в холлах – сплошь в коврах, стены – в зеркалах. Ковры-то ничего не имели против меня, а вот зеркала ясно давали понять, что смотрюсь я среди других завсегдатаев этого заведения, как корова в стаде молодых серн. Я даже подумала: а может, и не зря меня все-таки бросил мой ко... ну вот, от Ирки заразилась. Одним словом, неверный муж. Да, этот поход в спортзал явно не был моментом моего триумфа, и решила я, что больше туда ни ногой. А на следующее утро я лишь укрепилась в своем решении, когда стала подниматься с кровати. Болела каждая мышца! Я напоминала себе самой детскую игрушку из мягкой резины – в том смысле, что та тоже пищит при каждом движении. Охая и ахая, едва переставляя ноги, еле поднимая руки, я кое-как оделась и добралась до работы. Это был кошмар наяву, и я мрачно думала, что никакой мужик не стоит таких жертв – а ведь, если честно, то красивыми мы, женщины, стараемся быть именно из-за этих особей.

Но что могли значить все мои решения в сравнении с Иркиным стремлением меня преобразить? Да ничего. Отвязаться от нее, одержимой какой-нибудь идеей, – дело настолько сложное, что, кто не сталкивался с этим, пусть даже и не пытается себе представить. Скажу только,

что гораздо легче отлепить приставшую к юбке жвачку – я пробовала и то, и другое, так что могу судить об этом как специалист.

– Я могу показать тебе пару-другую серн, которые несколько лет назад вползли в этот зал свиноматками, – сказала она. – Так что не хнычь и помни, что сами по себе только синяки рассасываются, а над всеми остальными дефектами внешности надо упорно работать. И если не хочешь оставаться коровой на чьем бы то ни было фоне, то лучше начинай действовать, вместо того чтобы спокойно сидеть на той части тела, которую тебе надо оттачивать в первую очередь.

И так далее, все в том же духе, причем с таким напором, какого никогда не бывает в нашем городском водопроводе. Ну а как гласит народная мудрость, капля камень точит. Слушала я, слушала и вскоре поняла, что лучше пойду куда угодно.

...Второй день тренировок дался мне еще хуже, чем первый, потому что тогда хоть мышцы так не болели. До сих пор не могу понять, что же тогда мне все-таки помогло продолжить эти занятия, вместо того чтобы отбиться-таки от Ирки и снова вернуться к спокойному и тихому существованию. Наверное, то, что, на совесть выматываясь в спортзале, я стала ощущать при этом, как притупляются мои душевные муки, как будто на них у физически измученного организма уже не оставалось сил. В общем, вслед за вторым днем последовал третий, потом четвертый... Время шло, и постепенно я начала себя чувствовать совсем по-другому. Появилась какая-то легкость, тонус какой-то. В занятиях стали обнаруживаться любимые упражнения, а в очертаниях фигуры – явный прогресс. Пояса юбок вначале просто перестали врезаться мне в живот, а потом пришлось пуговицы перешивать. Правда, тут была заслуга не только тренировок, но и моего одинокого существования: никто больше не требовал от меня вкусного сытного ужина, и я, очень быстро обленившись в этом отношении, вообще перестала его готовить. Ну а если есть дома особо нечего, если не витают по кухне волшебные ароматы, то и аппетит как-то начинает дремать, не терзая желудок наглыми требованиями.

Но я что-то увлеклась своей персоной и отклонилась от темы. За прошедшее время я еще несколько раз брала у Ирки машину и выезжала заниматься нравственным самоистязанием, подглядывая за своим отбившимся от семейного очага супругом. Что меня так тянуло этим заниматься? Ну не знаю я! Тянуло – и все. Почти двадцать пять лет жизни, как и слова из песни, так просто не выкинешь. И главное, все никак не могла я вдоволь насмотреться, а точнее – рассмотреть свою соперницу. Даже попыталась ее как-то раз не слишком удачно сфотографировать. Куда я за это время их только не провожала! До дома, где они теперь жили, до каких-то других домов, куда они, по-видимому, ходили в гости, до ресторана и даже до нотариальной конторы. Что уж они там делали – не знаю. Может, собирались оформить наш развод? Но мы вроде уже подали документы. Более-менее повезло мне лишь однажды, когда я, оставив машину, решила проводить их пешком. Вечер был довольно темный, и даже не знаю, с чего бы им вдруг захотелось пройтись. Ну а я надеялась, что остановятся они где-нибудь под фонарем. Прошли мы так пару кварталов. Прогулка была, в общем-то, довольно приятной, особенно для тех двоих: дул свежий весенний ветерок, земля уже дышала теплом. Разлучница что-то говорила моему мужу вполголоса. Я не слышала их и не хотела слышать – это их дело, о чем они там говорят, – а только смотрела во все глаза, надеясь на подходящий случай.

И случай действительно произошел, только не такой, какого я ожидала. Прошли мы несколько кварталов, и вдруг моя парочка остановилась на углу большого и довольно мрачного дома. Я тоже остановилась чуть поодаль, естественно, не стараясь становиться предметом всеобщего обозрения. И тут она вдруг ни с того ни с сего бросилась ему на шею. Мне с моего места, на некотором отдалении, было все прекрасно видно: его, раскрывшего ей объятия, ее, почти висящую на нем. Продолжая обнимать моего супруга одной рукой, другой дамочка что-то в это же время вытащила из кармана его пиджака и сунула к себе в карман. У меня челюсть поехала вниз от такого: я никогда себе не позволяла лазить по чужим карманам! А эта

красавица ничего, справилась! Правда, при этом что-то выронила. Что-то небольшое, прямоугольное и плоское. Оно теперь лежало почти под ногами влюбленной парочки. Я замерла в радостном предвкушении: не фотография ли это? Бывают же до сих пор любители бумажных портретов! Если да, то вот и рассмотрю наконец соперницу. Только бы она не спохватилась и не подняла свою потерю, а то ну очень уж посмотреть хочется!

Когда парочка отошла, я, больше не собираясь их преследовать, метнулась к оброненному прямоугольнику. К моему огорчению, это оказалась вовсе не фотография, а какой-то совершенно банальный листок, на котором в столбик были намалеваны рукой моего благоверного буквы и цифры – была у него привычка делать для себя такие вот черновички. Причем как-то всегда по-мышинному, на клочках бумажек. В основном он делал их по работе, не испытывая любви к электронным записям, а я потом, перед стиркой, у него из карманов горстями эти бумаженции выгребала и, не читая, аккуратно складывала ему на рабочий стол. Теперь же смогла убедиться, что со сменой семейного статуса мой неблаговерный своих привычек не изменил. Только карманы ему стали чистить несколько иными способами и явно не так регулярно, как прежде, иначе бы мусор через край уже не вываливался. Интересно, что эта девица рассчитывала найти у него в кармане? Денежку, наверное. Впрочем, это ее дело. Я была настолько разочарована тем, что подобранная бумажка оказалась одним из дурацких черновичков, а никакой не фотографией, что по дурости своей даже чуть было не окликнула удаляющуюся парочку, чтобы вернуть им потерянную вещь – привыкла ведь, что вечно все за своего неблаговерного разыскиваю и складываю по местам, – да вовремя опомнилась: как я, интересно, объясню им обоим свое появление здесь? Тут ведь любому стало бы понятно, что не с неба я свалилась, и вовсе не за пробами грунта. Так что, практически машинально, ибо была в расстроенных чувствах, я смяла глупый клочок бумаги и сунула себе в карман, вместо того чтобы его выбросить. И так как моя парочка уже ушла, то вернулась к машине и поехала возвращать ее Ирке.

А на следующий вечер меня ждал скандал. Началось все с того, что к Ирке, ехавшей с работы, подошла на перекрестке девица и, бесцеремонно открыв дверцу машины, потребовала, чтобы Ирка прекратила преследовать их, потому что мужа она все равно уже не вернет, раньше держаться за него нужно было. Ирка, которая, разумеется, знать ничего не знала, а по кротости характера могла смело поспорить с тигром, ответила так, что девица, выслушивая этот ответ, едва не вывихнула себе челюсть. После этого Ирка от души захлопнула дверцу машины, едва не прищемив девице пальцы, и поехала дальше. Но когда схлынула первая волна ее праведного гнева по поводу какой-то нагло сунувшейся к ней в машину идиотки, Ирка начала думать. Размышления же привели ее к выводу, что девица, возможно, была не так уж и далека от истины, обвиняя в преследовании Иркину машину. Тут Ирка и нагрянула ко мне за объяснениями, вылившимися, когда я их дала, в скандал. Ирке было наплевать на то, что ее обвинили в том, чего она вовсе и не думала совершать – она буквально кипела по поводу того, что я, как последняя... Ну, не буду пересказывать всех ее запасов изящной словесности, потому что все это я предсказывала заранее, допуская возможность того, что Ирка узнает о моих поездках. Бушевала Ирка минут пятнадцать, после чего заявила, что готова дать мне все, что имеет, вплоть до последней пары трусов (ха-ха три раза!), но на ее машину чтоб я больше не рассчитывала, а если хочу и дальше заниматься глупостями (и мазохизмом, добавила она), то могу купить себе для этого роликовые коньки.

Я оборонялась как могла, объясняя свое жгучее и непреодолимое желание рассмотреть соперницу.

– Да что на нее смотреть! – вспыхнула Ирка. – На козу похожа, с такой же худой и длинной мордой! Будь я мужиком, я бы ни в жизнь на такую не позарилась!

Да, Ирке-то повезло, она смогла составить о девице свое личное мнение. А я вот гонялась за ней, гонялась, но, по закону подлости, так ни разу и не смогла рассмотреть. Разве что

вскользь, во время последней пешей прогулки. Так я Ирке и сказала, на что получила залп отборной брани, должной меня твердо убедить в том, что смотреть не на что. Ну, как известно, милые бранятся – только тешатся, а бабы грызутся – только время впустую тратят, потому что все равно каждая останется при своем, если только до этого они не поубивают друг дружку. Мы с Ирккой друг друга убивать не собирались и поэтому в конце концов утихомирились, перейдя на нормальную громкость голоса. Я, вспомнив про бумажку, вытащила ее у себя из кармана, намереваясь выбросить в ведро – в отличие от своего неблаговерного мусор в карманах копить не люблю. Но тут Ирка снова встала в боевую стойку и потребовала, чтобы я эту бумаженцию не выбрасывала, а ей отдала. А то, мол, с меня станется, следуя многолетнему рефлексу, подумать-подумать, да потом вытащить этот клочок из ведра и попытаться вернуть его владельцу. Ибо для него эта бумажка может оказаться важна, а я все его проблемы разгребать приучалась годами. Я возражала Ирке, что тут она явно перегибает палку и что я еще не дошла до такой степени мазохизма, но она отказывалась мне верить, впечатленная моими недавними «шпионскими играми». Так что бумажку в конечном итоге все-таки пришлось отдать – чтобы Ирка ее выбросила лично и отсюда подальше. А вы смогли бы на моем месте отказать человеку, который недавно готов был отдать мне последние трусы? Наверное, нет. Вот и я не смогла, тем более что само дело-то и выведенного яйца не стоило, а возражала я больше из-за Иркиного мнения обо мне как о совсем уж не имеющей гордости. Так что я без особого сожаления проследила за тем, как отвоевавшая добычу Ирка убирает злополучный клочок к себе в сумочку, предварительно упаковав его с брезгливым видом в пакетик. Потом мы с ней еще посидели, потолковали о том о сем. Ирка все меня в бар зазывала, горя желанием познакомить там хоть с каким-нибудь мужиком, дабы я смогла убедиться, что мой благоверный далеко не единственный на этом свете. Я, понятное дело, отнекивалась – ну не научилась я за свою жизнь так непринужденно с мужским полом общаться, чтобы в баре с кем-то знакомиться! Так что в итоге Ирка уехала ни с чем, но по ее взгляду я смело могла заподозрить, что в отношении меня она вынашивает какие-то планы. Мне оставалось только взмолиться о том, чтобы так и не узнать, какие же именно!

А где-то дня через три, встретив меня, добросовестно пыхтящую и скрипящую костями на тренажере, в спортзале, Ирка, пристраиваясь на соседний тренажер, спросила:

– Ты уже слышала новость? Отгреб твой козел от господ по своим заслугам.

– Чего? – не поняла я, останавливаясь. Рукоятка выскользнула от неожиданности у меня из рук, тросик скользнул по своим пазам, и груз шлепнул по подставке, так что даже в ушах зазвенело.

– Не порть спортивный инвентарь, – бросила Ирка. – Гутярина твоего посадили. Случайно узнала, от подруги, которая в ОВД работает. А я думала, что, как только с ним беда приключится, он сразу же кинется к тебе за помощью. Ну, одним словом, думала, что ты уже в курсе происходящего. А он, значит, еще не успел обратиться к своей Людочке за сухарями...

– Да подожди ты, – остановила я торжествующую Ирку. – Объясни, что случилось? За что его могли посадить? Он ведь ни на что не способен, даже на преступление.

– Как видишь, кое-чему научился, – хохотнула Ирка. – Какая-то крупная афера на заводе. Так-то! Плохо ты, родная, знала своего героя. А может, не так ему аплодировала, вот и не вдохновила на подвиг.

– Да брось ты! – совершенно опешила я. – Не может такого быть!

– Девочки, вы тренируетесь или только занимаете тренажеры? – подошла к нам какая-то девица.

Ирка окинула ее одним из своих красноречивых взглядов, как правило, напрочь отбивающих у любого охоту к продолжению беседы. Я же, успев отработать на своем тренажере почти всю причитающуюся здесь каторжную повинность, поднялась, уступая место, и подошла вплотную к Ирке:

– Рассказывай все, что знаешь.

– Да знаю немного, только то, что сказала, – доложила Ирка. – Тебе бы стоило больше знать, на одном ведь заводе работаете. А ты как будто даже расстроилась? С ума сошла! Никогда я не понимала тот сорт женщин, к которому ты относишься! Вам сколько гадостей не сделай, а вы все равно, сердобольные, при случае будете жалеть того, кто в этом преуспел. Так вот, нечего его жалеть! Вляпался – теперь пусть выпутывается как знает! Пусть примерит на себя твою шкуру, прочувствует, что значит оказаться брошенным. И не вздумай ему хоть чем-то помогать! Даже сухарями!

– Ладно тебе, – огрызнулась я. – И потом, я уверена, что здесь какое-то недоразумение. Не знаешь, кто занимается этим делом?

– Людка, да имей же ты хоть каплю гордости-то! – взвилась Ирка.

– Да при чем тут гордость, – отмахнулась я. – Просто хочу узнать, в чем дело, побеседовать со следователем. Могу я, как бывшая жена, поинтересоваться судьбой бывшего же мужа?

– Ай, ну тебя! – раздраженно мотнула головой Ирка. – Надо было догадаться, что ты так на это реагируешь, и ничего тебе не говорить.

Наутро я, как и собиралась, отправилась к следователю. Для этого мне в первую очередь пришлось взять на работе до обеда отгул, но с этим проблем не возникло, начальство мне их уже целый веник должно, так что на полдня расщедрилось. Одним словом, добралась я до Следственного комитета, где мне сообщили, что делом моего мужа занимается следователь Силантьев, а найти его можно прямо сейчас, в восьмом кабинете.

Кабинет оказался неказистым: хоть и нестарые, да невзрачные стол, стулья да шкафы, но чтобы на все это полюбоваться, ждать своей очереди мне не пришлось, приняли сразу. Я вошла и для верности уточнила:

– Мне к Силантьеву...

Очень уж сидящий за столом человек не был похож на того следователя, которого я рисовала в своем воображении. Мне он почему-то представлялся таким высоким, солидным, с суровым лицом, в строгом деловом костюме. А оказался просто мужчиной лет сорока с небольшим хвостиком (это я про годы, а не про прическу), в серо-белом свитере, не очень-то и высоким, в меру упитанным, а в его небольших темно-серых глазах не было даже намек на ту рентгеновскую пронизательность, которой должен был бы обладать колющий преступников, как орехи, следователь. И тем не менее этот вовсе не претендующий на солидность мужчина отозвался:

– Это я. Проходите.

Я прошла, села, запоздало вспомнила, что неплохо было бы и поздороваться (хотя нет, кажется, уже здоровалась, когда заглядывала в кабинет), и молча уставилась на него в ожидании, что вот сейчас он мне все и расскажет, с одного взгляда догадавшись, зачем я пришла. Но он вместо этого осведомился:

– Вы по какому вопросу?

– Я... это... – запнулась я, потом выпалила: – Вы занимаетесь делом Гутярина?

– Есть такое, – согласился он.

– Я его бывшая жена. А если по документам, то пока еще даже настоящая.

– А документы у вас с собой?

– Да, конечно. – Я порылась в сумочке, протянула ему паспорт: – Вот.

– И что же вы, Людмила Ивановна, от меня хотите? – спросил он, просмотрев мой документ и возвращая мне его.

– Узнать, что случилось, разумеется, – сказала я. – Понимаете, это так на него не похоже...

– Многие, совершившие преступление, бывают не похожи на преступников, – заметил он.

– Да нет же, – возразила я, – дело даже не во внешности. Поймите, натура у него не такая, чтобы что-то грандиозное отколоть. Я ведь его хорошо знаю, больше двадцати лет с ним прожила.

– А что же случилось потом? – поинтересовался он.

– А потом он бросил меня ради молоденькой девицы, – похоже, я начала привыкать к статусу брошенной жены и стала относиться к этому гораздо спокойнее, чем раньше. – Так что, как видите, мне нет никакого резона его выгораживать.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что выгораживать гражданина Гутярина и не стоит, все равно нет в этом никакого смысла. Действительно, если человека обвиняют в хищении огромной суммы денег с завода, которую просто больше некому приписать, то бывшая жена, заявляющая: «Он на такое не способен», мало что может изменить. Но я добросовестно старалась и даже призналась следователю в том, что пыталась шпионить за своим неверным супругом. Он выслушал меня очень внимательно, потом попросил на всякий случай мой телефон и свой мне дал, да на том мы с ним и распрощались. В общем, того, за чем я к нему приходила, я так и не добилась: не подтвердились мои надежды на то, что новость окажется всего лишь Иркиной выдумкой. И уяснить себе того, каким это образом мой неблаговерный мог так глубоко вляпаться в историю, я тоже не смогла. Можно было бы еще о свидании попросить, но этого я делать тоже не стала. А зачем? Злорадствовать было не в моем характере, а сочувствовать ему после всего, что он мне преподнес, я была уже не в силах. Оставалось только, попрощавшись со следователем, вернуться на работу, чтобы продолжить трудовые подвиги. Да детям по пути позвонить, рассказать, что случилось. Те восприняли новость с удивлением, не торопясь особо проявлять другие чувства, даже если они и были. Сынуля у меня вообще, как я уже говорила, молчалив и на выражение эмоций скуп, а доча, хоть и была в семье папиной любимицей, но тоже частенько не восторгалась его поступками, особенно последним. То есть теперь уже предпоследним. И оба ребенка дружно, не сговариваясь, сошлись на том, что следствие все рассудит. Спросили у меня, не надо ли приехать. Но я сказала, что папе от их приезда толку все равно не будет, а что касается меня, то если уж я его измену пережила, то с остальным теперь точно как-нибудь справлюсь. На том мы расстались, и день пошел своим чередом.

А на следующий день меня ждал, мягко говоря, сюрприз, которого я-то совсем не ждала. Точнее, сам день прошел как обычно. Отсидела свое на работе, честно предаваясь труду, а после работы зашла в магазин, где купила себе на ужин пакет кефира и хлеб с отрубями. Сбросив первые десять кило лишнего веса, я была рада несказанно, но потом мой организм вроде как попытался бунтовать, реагируя на дальнейшее исхудание чувством голода, обостряющимся порой до хищных масштабов. А мне так хотелось скинуть с себя весь лишний жир! Я уже в раж вошла, наблюдая за тем, как изменяются мои формы. Вот и приходилось по возможности обманывать себя, а в моем случае для этого как нельзя лучше подходили хлеб с отрубями и кефир. И вот, когда я, отоварившись, отправилась домой (взяла себе за правило ходить пешком), все и случилось. Я уже почти дошла до дома, свернула на нашу улицу и двигалась по дорожке, с обеих сторон обсаженной кустами акации, не стриженными с позапрошлого года, как вдруг за моей спиной словно ниоткуда выросли трое парней. Точнее, это я так предположила, потому что видеть-то их не могла, только слышать: во-первых, они были позади меня, а во-вторых, был уже вечер, золотое время, когда солнце светить почти уже не может, а фонари все еще не хотят. Я вообще-то женщина не особо нервная, но тут, сами понимаете, стало жутковато, тем более что сразу становилось ясно: эти субъекты не собираются проходить мимо меня просто так. Поняв это, я сделала попытку развернуться и спросить:

– Что, ребятки, закурить никак не найдете?

– А ну, тихо! – вполголоса рявкнул на меня кто-то, крепко ухватывая за плечо и не давая завершить начатый поворот. – Пойдешь с нами, и не вздумай подать голос.

Что-то острое уперлось мне в бок, прямо как в детективном фильме. Я хотела было сострить что-то насчет похищения, но тут до моего сознания начала доходить печальная истина о том, что все это, кажется, не шуточки, и слова застряли у меня в горле. Ноги внезапно ослабели, и я, помимо своей воли, сделала попытку замедлить шаг, но мой провожатый отнюдь не деликатно пихнул меня в спину, и пришлось прибавить скорость. Мы пошли к просвету между двумя кустами. Голос ко мне вроде как вернулся, и я решилась снова его подать:

– Мальчики, а вы уверены, что тетенькой не ошиблись? У меня ведь нет ничего ценного, равно как и мужа-миллионера. И в кошельке...

– Заткнись, – ответили мне. По-моему, весьма исчерпывающе, хоть и не по существу. Ничего не поделаешь, пришлось именно так и поступить. Но мои сбившиеся было от испуга мысли уже перестали метаться в голове паникующими серыми мышами, а двигались теперь в одном направлении: кем бы эти ребята ни были и кто бы им ни был нужен на самом деле, а мне от них ничего хорошего ждать не приходится. А это значит, что нужно как-то срочно выбираться из той ситуации, в которую меня угораздило влипнуть, пока они не запихнули меня в какую-нибудь наглухо закрытую машину, да хорошо еще, если не сразу в багажник или еще что-нибудь не придумали. Оставался теперь самый главный вопрос: как это сделать? Времени на раздумье не было, а идеи, как назло, не приходили. И не знаю, что бы со мной приключилось дальше, если бы на помощь мне не пришла сама природа в сочетании со счастливыми обстоятельствами. Мы уже подошли к тому самому просвету в сплошной стене акаций, к которому и держали путь, когда я заметила растущую возле ближнего куста крапиву. Да, не бог весть что, конечно, но поскольку ничего лучшего мне на глаза так и не попало, то оставалось надеяться хотя бы на это. По-прежнему удерживаемая за плечо своим конвоиром, я вынуждена была нагнуться, чтобы пройти под нависающими сверху ветками акации, и очень удачно использовала этот момент, чтобы вцепиться крапиве в стебли. Руку тут же загло, но я сумела это пережить и, продолжая свое движение, незаметно для своих провожатых дернула за крапиву. Обрываться она отказалась, зато охотно отделилась от земли вместе с корнями. В таком виде я ее и подхватила, выпрямляясь по ту сторону стены из кустов акации. Еще не зная, что буду делать дальше, но молясь, чтобы никто из моих конвоиров ничего не заметил. Они и не успели заметить, потому что тут мне на выручку подоспели те самые счастливые обстоятельства, о которых я упомянула, в лице летящих на велосипедах подростков. Вы когда-нибудь пробовали оказаться на пути у подростков-велосипедистов (а равно мчащихся наперегонки на роликах или даже просто на собственных ногах)? Если пробовали, то мне уже нечего вам рассказывать, сами все испытали. Если же не пробовали, то мой вам совет: даже не пытайтесь! Лучше встать на пути у несущегося паровоза – тот, по крайней мере, *попытается* затормозить. Эти же в лучшем случае, не сбавляя скорости, попробуют вас объехать, если есть местечко. А если нет, то все, пиши пропало. В этот момент они, по-моему, просто ничего не видят, и если вы не успеете отскочить – вас скорее затопчут, чем пропустят. Уж я-то знаю, сколько раз лечила разбитые коленки и лбы своим собственным детям, не пожелавшим или не успевшим затормозить даже перед такой внушительной преградой, как, например, дерево. Вот и эти велосипедисты, перекрикиваясь на ходу, крутили что есть мочи свои педали и совершенно не собирались замечать каких-то вздумавших копошиться у них на пути дядек с теткой. Этим я и воспользовалась. Прежде чем они поравнялись с нами, я неожиданно для навязавшихся мне в попутчики субъектов хлестнула того, который меня держал, по руке крапивой. От неожиданности он взвыл и отдернул руку – видимо, привык иметь дело с чем-нибудь посерьезнее крапивы и опасался соответственно. Два его дружка тоже повели себя как-то странно, заслонили ладонями лица. Я не сразу поняла, что случилось, но нескольких секунд мне хватило на то, чтобы разобраться. Оказывается, отважно размахавшись крапивой, я стряхнула с ее корешков землю, и она полетела в глаза всем моим недругам. Я не стала дожидаться, пока они проморгаются, а кинулась

вперед, почти под колеса во весь опор несущихся велосипедистов, и успела-таки проскочить, оставив их между собой и преследователями. Это дало мне необходимую фору.

Итак, кинулась я через тротуар, мимо клумбы и лавочек. Мои преследователи уже успели опомниться и, пропустив велосипедный смерч, бросились за мной следом, я это слышала. Оглядываться, естественно, не стала – тут бы ноги унести. Звать на помощь тоже не решилась: неизвестно, соизволит ли кто проявить благородство и отозваться на мой призыв, и в итоге я могу только потерять драгоценные секунды. В общем, решила я, постараюсь помочь себе сама, и забежала в небольшой магазинчик в доме, стоящем через один от моего собственного. В магазинчике в этом была небольшая хитрость: в нем имелась вторая дверь, позволяющая выйти с противоположной главному входу стороны. Но знали о ней лишь постоянные посетители, поскольку находилась она не на виду, а как бы в маленькой нише. Я надеялась, что мои преследователи нечасто посещают этот магазин. Правда, еще мгновение я колебалась: может, остаться здесь, среди людей? Но в магазине, кроме хрупкой девочки-продавщицы, было всего две старухи. Такие если на что и сгодятся, так это только для дачи свидетельских показаний, а я пока еще жива, и мне нужна куда более реальная помощь, которую они не смогут мне оказать, даже если захотят. Все это в одно мгновение пронеслось у меня в голове, и я устремилась к заветной нише, молясь, чтобы дверь была не заперта.

Молитвы мои были услышаны. Я вылетела во двор. Но тут же сообразила, что до моего дома мне нужно еще пробежать весьма солидное открытое пространство и что вряд ли я успею это сделать – скорее всего, активные молодые люди, идущие по моим следам, успеют меня догнать и скрутить. Что мне оставалось делать? Спрятаться. И я нырнула в один из ближайших подъездов. Опять же, зная о том, что на первом этаже живут алкоголики, из-за чего домофон практически всегда бывает отключен. Повезло мне и на этот раз. Я беспрепятственно влетела в весьма характерно пропахший (ой, не то слово!) подъезд. Сердце своими ударами грозило пробить мне грудную клетку, но сейчас речь шла о том, как бы мне его вообще не остановили. Во дворе уже хлопнула магазинная дверь. Выглянув в щелку из подъезда, я увидела, как трое моих знакомцев резво выскочили из магазина вслед за мной. Быстро сообразили, куда я могла подеваться. Неглупые ребятки! К сожалению...

Остановились, огляделись.

– Она не могла уйти далеко, – уверенно сказал тот из них, который был повыше, оглядывая двор, по которому я должна была бы сейчас нестись во весь опор и в котором не было ни души. И фонари-то, как назло, вопреки своей привычке, сейчас дружно включились. И горели все до единого, ясно показывая, что меня во дворе нет.

– Значит, где-то в подъездах, – решил второй, коренастый.

– Мы идем проверять подъезды, а ты карауль во дворе, чтобы она случайно не проскочила, – сказали они третьему. И приступили к делу.

Я почти запаниковала. А что оставалось делать? Сейчас они ткнутся в несколько закрытых дверей и приступят к моему подъезду. А мне не выскочить, потому что часовой во дворе поставлен. Бежать вверх по лестнице и колотить в двери в надежде, что кто-нибудь да впустит? К сожалению, в наше время особо надеяться на это не приходится, люди стали не слишком-то гостеприимны. Честно говоря, я и сама бы сто раз подумала, прежде чем открывать неизвестному человеку, отчаянно колотящему в мою дверь: поди узнай, помощь ему нужна в самом деле или просто это один из расплодившихся маньяков, которому не терпится меня прикончить? И вот, отказавшись от мысли ломиться в квартиры, я спустилась на несколько ступенек, ведущих вниз с площадки первого этажа. Мне показалось, что я спускаюсь в подвал, но вместо этого оказалась просто в каком-то тупичке под площадкой, откуда выходили какие-то трубы и висел электрический щиток.

«Вот и все! – подумалось мне, как только я обнаружила, что дальше пути нет. – Конец тебе, Людочка!»

Но умирать ох как не хотелось! И выход нашелся как раз тогда, когда мои преследователи затопали возле самого подъезда. Я лихорадочно нащупала в сумочке бутылочку со спиртовой настойкой элеутерококка, очень кстати купленной (отличное тонизирующее средство, рекомендую!), открыла ее и принялась полоскать содержимым рот, проливая при этом еще и на кофту. Как я и рассчитывала, воздух вокруг меня стал насыщаться спиртовыми парами. Но и этого мне показалось мало. Экстренно изведя весь флакончик, я добралась до кефира и булочки из отрубей. Достав все это и сунув сумку за переплетения труб, я вылила на себя весь кефир и раскрошила булку трясущимися от волнения руками. Теперь к спиртовому запаху присоединился еще и запах кислятины, а промокшие крошки булки, налипшие мне на кофту, вполне могли сойти за рвоту. Еще я взъерошила себе волосы, сколько успела, мокрыми от кефира руками получилось очень даже неплохо, и слегка припорошила юбку местным песочком.

Дверь в подъезд открылась. Не собираясь таиться (все равно обнаружат!), я громко икнула, и тут же по ступенькам затопали. Пьяную мне изображать не пришлось, поскольку, как только я увидела одни лишь их тени, ноги у меня подкосились сами собой, помимо моей воли, и я завалилась в угол. Застывшие на нижней ступеньке парни брезгливо повели носом.

– Это еще что такое? – спросил один из них.

– Да пьянь какая-то, – ответил второй, наводя на меня тонкий луч фонарика.

Я что-то нечленораздельно забормотала пьяным голосом и, будто бы от света, прикрыла лицо руками, вместо него выставляя напоказ свою залитую кефиром и усыпанную крошками грудь. Парни ее заметили, потому что один из них добавил, украшая сказанное витиеватыми выражениями из русской народной речи:

– Облеванная вся...

– Пойдем отсюда... – также приукрасив строчку словесным орнаментом, подвел итог его спутник. – Воняет...

Да, запах стоял крепкий. Мало того что я сама постаралась испортить воздушную атмосферу кефиром и спиртом, так еще до меня здесь, в этом тупичке, явно не один раз в том же направлении работали коты. А может, и не только они одни. В общем, парфюмеры столь разнообразное сочетание запахов зовут обычно букетом, только иметь дело им приходится с куда более приятными компонентами.

Когда парни вышли из подъезда, я еще долгое время не решалась сдвинуться с места, только прислушивалась к тому, что происходит на улице. Они обыскали еще три подъезда, потом сошлись все трое во дворе.

– Наверное, у нее кто-то знакомый живет в этом доме, вот она и заползла туда, – предположил один из парней.

– Главное, упустили, – мрачно сказал второй. – Ладно, пошли. Ждать ее здесь смысла нет, потому что если она ночевать здесь и не останется, то одна точно выйти уже не решится, а связываться с ее провожатыми нам ни к чему.

Парни действительно ушли, в чем я смогла убедиться, осторожно выглянув на улицу, приоткрыв подъездную дверь. Это, конечно, было отрадно, но вот то, что я от них услышала перед уходом, отнюдь не добавило мне оптимизма. Они точно знали, что живу я не в этом доме, а это наводило на мысль о том, что им известен мой адрес. Факт, не сулящий мне в ближайшем будущем ничего хорошего. Но я решила, что горевать по этому поводу начну чуть позже, а пока все же попробую добраться до своей квартиры, хотя бы для того, чтобы смыть с себя кефир. И булочку. Я выбралась из укрытия и поплелась в сторону своего дома, на всякий случай продолжая изображать из себя пьяную. Впрочем, особо стараться мне и не пришлось, потому что коленки до сих пор подгибались, и шаталась я почти натурально. А выглядела! Оказавшись под одним из фонарей, я могла только порадоваться тому, что меня сейчас не видит никто из зна-

комых, потому что, кроме залитой кефиром кофты, на мне еще была юбка, специально вывалянная в грязи и перепачканная ржавчиной, и самостоятельно успевшие разорваться колготки.

Кое-как добравшись до дома, я поднялась к своей квартире, шарахаясь от каждой тени, и привычным движением сунула ключ в замочную скважину. Дверь открылась, и я с облегчением скользнула внутрь. Наверное, те же самые чувства испытывает улитка, когда забирается в свою раковину: наконец-то я в безопасности, потому что всюду вокруг меня мои родные надежные стены! Но не знаю, как там у улиток, а у меня это чувство быстро прошло – сразу же после того, как я включила в прихожей свет. Потому что, едва только мои родные стены осветились, сразу стало ясно, что в их пределах кто-то успел вдоволь похозяйничать: и в прихожей, и в доступной взгляду комнате все было разбросано, словно здесь пронесся ураган. Я такого с утра точно не устраивала, Юлька с Димкой если и приедут, то не раньше чем через месяц, а Гутярин мой, как известно, такого сделать сейчас не мог, потому что в данный момент занимал совершенно другую жилплощадь, отведенную ему государством.

– Здравствуйте, Людмила Ивановна! – вдруг раздался за моей спиной незнакомый мужской голос. Я при виде учиненного в моей квартире разгрома так и застыла на пороге, с незакрытой входной дверью, поэтому для полноты ощущений мне как раз только и не хватало, чтобы кто-то внезапно возник бы у меня, так сказать, с тыла, да еще и рявкнул над ухом. От этого я мигом ожила и сделала сразу три вещи: вздрогнула, подскочила на месте и взяла ноту где-то в регистре меццо-сопрано – визгом это назвать уже было нельзя. Потом я попыталась развернуться, но тут подломился мой каблук, и вместо разворота я продемонстрировала чудеса вертикальной посадки – ну чисто современный самолет палубной авиации! И не успела я еще приземлиться на точку, так заботливо обтачиваемую мною на тренажерах, как до меня уже дошло, что убивать меня, кажется, не собираются: сзади кто-то смущенно охнул, а затем последовали извинения. Вместе с извинениями неизвестный протянул мне свою рыцарскую руку, вернув меня в более свойственное приматам положение, и тут я наконец смогла рассмотреть, из-за кого выписала свои сложные пируэты под столь смело взятую ноту. Нормальный мужик, симпатичный даже. Густые волосы цвета спелой пшеницы, серые глаза. На вид от сорока пяти до пятидесяти. Среднего роста, сухощавый, одет прилично. А главное, со словами: «Я от следователя Силантьева», – тычет мне свое раскрытое удостоверение.

– Да заключают вас райские птички! – простонала я в ответ. – И часто вы так подкрадываетесь к людям?

– Да я вообще-то не крался, – сказал он, убирая во внутренний карман пиджака свои корочки. – Просто зашел к вам по пути с работы, хотел кое-что уточнить. Позвонил в дверь – вас нет. Телефон ваш я, как назло, не записал. Поэтому обратился к соседям, чтобы спросить, не знают ли они, во сколько вы обычно возвращаетесь с работы, и есть ли мне смысл вас ждать. Меня пригласили войти, а тут вы мимо меня и проскользнули. Не думал, что так вас напугаю! – Тут он заметил мой весьма далекий от повседневного внешний вид и удивленно взглянул мне в лицо.

– Вообще-то обычно я выгляжу иначе, – поспешила я заверить его.

– У вас что-то сегодня случилось? – спросил он.

– Если бы только что-то, – вздохнула я. – А то все и сразу. Начиная с того, что по дороге домой меня чуть было не похитили, и кончая тем, что кто-то весьма основательно переворачивал всю мою квартиру. Вы ведь, надеюсь, не думаете, что такой бардак, как сегодня, – моя нормальная окружающая обстановка?

– На вас это не похоже, – кивнул он, потом повернулся ко все еще открытой входной двери, захлопнул ее за собой и спросил: – Вы позволите?

– Проходите, – кивнула я, сообразив, что он хотел бы осмотреть мое жилье повнимательнее. – Только уж, извините, я вас ненадолго оставлю. Хочу привести себя в нормальный человеческий вид.

– А как насчет того, если вы вдруг потом чего-то не досчитаетесь? – поинтересовался он. – Я ведь тут неофициально.

– Валяйте, – махнула я рукой. – Вряд ли взломщики оставили здесь на вашу долю что-то ценное. Да у меня и не было-то ничего, если честно: лишних денег не водится, бриллиантов не нажила, наркотиками не торгую...

На этом мы расстались, и я пошла в ванную. Там я застряла весьма надолго: мало того что в ванной время летит для меня незаметно, так еще и ничто не действует на меня так успокаивающе, как теплая вода, а успокаиваться мне, сами понимаете, было после чего. Ну и, опять же, доброссо... вестными котами вся провоняла.

Господин помощник Силантьева (так и не успела прочитать в корочках его фамилию!) за это время успел сверху донизу осмотреть мою квартиру, лишний раз заверившись моим согласием через закрытую дверь ванной комнаты. Надеялся, что предыдущие незваные гости что-то оставили здесь по его душу? Вот на что я бы уж точно надеяться не стала. Когда я вышла из ванной, следователя в двух моих комнатах уже не оказалось, зато из кухни доносился аромат жарящихся котлет. На этот запах я и пошла, застав на своей заброшенной после развода кухне совершенно невероятное (для меня, во всяком случае) зрелище: мужчина, следя за тихо шипящей на плите сковородой, резал хлеб на разделочной доске.

– С легким паром, Людмила Ивановна, – сказал он, увидев меня. – Извините, что я тут решился без вас похозяйничать, но, знаете, есть очень хочется, а разговор у нас с вами предстоит еще долгий.

– Это вы меня извините, – воскликнула я с запоздалым раскаянием: надо было бы сообщить, что человек зашел ко мне с работы, и хотя бы чашку чая предложить. Впрочем, а что бы я могла еще предложить ему, кроме банальной заварки? Я ведь в отличие от него не ношу в своей сумке домой полуфабрикатов, чтобы не подвергать свой желудок искушению. Были только кефир с отрубным хлебушком – и те погибли, даже не доехав в сумке до дома, а героически спасая мою жизнь на подступах к нему. И я честно призналась: – Но, знаете, сегодня я не ожидала гостей, а сама для себя практически ничего не готовлю в последнее время.

Он улыбнулся:

– А я это уже понял. У вас вся посуда абсолютно сухая. А между тем, судя по кухонному полотенцу, у вас нет привычки ее вытирать.

– Надо же, какая проницательность, – удивилась я. – Ну а что еще вы можете обо мне сказать?

– Что ваш муж был маменькиным сынком, плавно перекочевавшим из родительских рук в супружеские, – заявил он.

– Ну, в последнее-то время он, надо заметить, несколько подрос, – уточнила я. – Настолько, что даже решился отказаться от опеки. Но как вы узнали, что он собой представлял?

– По множеству мелочей. Но главное, уж очень удивленный у вас был вид, когда вы увидели, как я готовлю ужин. Наверное, вам нечасто доводилось видеть мужчину у плиты?

– До сегодняшнего дня не чаще, чем подлинник Моны Лизы, – согласилась я. – Простите... как вас?

– Паров Николай Андреевич. – Он сделал движение к карману пиджака, будто снова намереваясь достать удостоверение, но я махнула рукой, останавливая его: человеку, который так умеет жарить котлеты, очень хотелось верить на слово. Он понял мой жест и, оставив удостоверение на месте, пододвинул мне стул: – Садитесь, Людмила Ивановна. Вы вышли как раз вовремя, все готово.

– Вообще-то, вы знаете, я на диете, – призналась я, в то же время незаметно (надеюсь!) втягивая ноздрями аппетитные запахи (черт, жрать-то как хочется!).

– Похвально, – одобрил следователь. – Но диета, как и все плохое, должна хотя бы иногда сменяться чем-то хорошим. К тому же стол совсем не ломится от яств, так что опасность серьезно впасть в грех чревоугодия вам не грозит.

Ну, что было на это ответить? К тому же после всех своих сегодняшних стрессов аппетит у меня разыгрался, как у целого стада раздраженных крокодилов, – того и гляди, слюна на стол закапает. Так что села я, не особо выпендриваясь, и принялась уничтожать котлеты с картофельным порошковым пюре, стараясь при этом не урчать от жадности. А после ужина мы пили еще чай с печеньем, приправленным чувством неловкости с моей стороны – ведь, по идее, это мне, хозяйке, нужно было бы угощать гостя, а не сжирать половину его запасов. Но когда и чай был выпит, неловкость уступила место другим, более насущным чувствам. Сразу после того, как молчаливо ужинавший следователь снова заговорил, возвращая меня, совершенно потерявшую от избытка событий ориентацию в происходящем, к недавним событиям.

– Ну а теперь, Людмила Ивановна, давайте оставим на время вашего мужа в покое, и вы мне расскажете, как можно подробнее, о том, что с вами произошло по дороге домой.

– Ох! – выдохнула я для начала вместо предисловия. Уж очень свежи и красочны были воспоминания! Для тех, кто любит экстремальные ощущения – самый, так сказать, кайф, но я-то к таким не отношусь. Однако человек ждал моего рассказа, а не симфонии из ахов и охов, и я собралась-таки с духом, выложив ему все, как он незадолго до этого выкладывал мне котлеты со сковородки. Не знаю, правда, получил ли он от моего рассказа такое же удовольствие, как я от его котлет, но описанные мною события его явно заинтересовали. Выслушал он меня очень внимательно, даже не улыбнувшись при описании сцены омовения кефиром, потом задал несколько уточняющих вопросов о том, как выглядели эти парни. Ну а после, согласившись с тем, что им был известен не только мой внешний вид, но и адрес, он сказал:

– Я думаю, что именно эти ребята и побывали здесь, в вашей квартире, перед тем как подкараулить вас на улице. Напрашивается вывод о том, что они здесь что-то искали, но, не найдя, решили выпытать нужную им информацию у вас лично.

– Информацию? – неподдельно удивилась я. – Да о чем меня можно спросить? Разве что о способе борьбы с тараканами, которых мне удалось-таки вывести, несмотря на то что меня ими через вентиляцию регулярно обеспечивали соседи.

– Нет, такое их вряд ли интересует, – усмехнулся он. – Я вот думаю, может, ваш муж в ваше отсутствие заходил к вам и что-то спрятал в вашей квартире? Ключи ведь у него были.

– Как вы догадались? – удивилась я.

– А как они иначе могли пробраться к вам, не взломав дверь? – ответил он вопросом на вопрос. – Только открыв ее ключами, которые раздобыли у вашего мужа. Замок открыт без всяких повреждений. Я ведь все тут осмотрел. Думал, может, пальчики какие-нибудь найду. Но нет, ребята были в резиновых хирургических перчатках. Следы талька остались, а вот больше ничего. Кроме беспорядка, естественно.

– Да уж, убирать мне теперь придется все выходные, – вздохнула я. И тут же подумала, что делать-то все равно нечего. А так хоть старье какое-нибудь выброшу из дома, разбирая вещи.

– А у вас с мужем были дома излюбленные места, куда вы предпочитали прятать всевозможные ценные предметы? – поинтересовался следователь. – Просто я подумал: если ваш муж пришел сюда и действовал в спешке, то он мог, следуя многолетней привычке, спрятать нечто как раз в одном из таких мест.

– Да у нас оно всего одно, потому что слишком много ценностей у нас в доме никогда не водилось, – ответила я и пошла к шифоньеру, попутно подбирая все то, что оказалось у меня на пути, но не на своем положенном месте. – А теперь и подавно нет. Украшения я дочке давно отдала, а деньги теперь на карточке.

Вместе со следователем мы обследовали мой домашний «сейф», валяющийся теперь на полу, и убедились, что, несмотря на сохранение его тайны (ну кому взбредет в голову лезть в старую бабушкину фетровую шляпку, да еще шарить там под подкладкой?), ничего нового в нем не добавилось. То есть как не было ничего, так и продолжает не быть. После того как мы все это выяснили, мне оставалось только вздохнуть:

– Ничего!

– Вижу! – Следователь поднял валяющиеся на полу документы, не имеющие ценности для посторонних и просто вытряхнутые из старого кейса. – Но что же они могли тут разыскивать?

– Хоть убейте, не знаю. А то, может, и сама бы отдала, чтобы только мне здесь такой бардак не устраивали.

– А когда вы последний раз виделись с мужем?

– Виделись – это, в смысле, встречались лицом к лицу? Давно. Месяца два тому назад, а может, и больше. Кроме этого, я его только иногда видела издали, но это же, как я понимаю, не в счет?

– Не в счет, – согласился следователь. – Ну а в ваше отсутствие он домой не заходил? Не замечали?

– Если бы заходил, то я непременно бы заметила, потому что уж где-нибудь он при этом да насвинячил бы, без этого не ушел. Дело в том, что он человек неряшливый и элементарно либо на ковре бы натоптал, либо тапочки расшвырял по прихожей. Так что нет, он не заходил.

– И не звонил вам? – не сдался дотошный человек (впрочем, за котлеты можно еще и не такое стерпеть!). – Ну, или там писал эсэмэс?

– А вы бы стали звонить и писать своей бэушной жене и вообще вспоминать о ней, имея под боком свежую девочку? – невинно поинтересовалась я.

– Ну... – кажется, он слегка растерялся. – Не знаю, не был в такой ситуации.

– А что тут бывать? Тут и представить нетрудно. Всем новым ведь как раз для того и обзаводятся, чтобы от старого отказаться. Я, как товар с истекшей гарантией, могу вас совершенно точно в этом заверить.

– Знаете, Людмила Ивановна, – он задумчиво, как-то по-новому осмотрел меня, прежде чем продолжить: – Простите за неловкий комплимент, но антиквариат сегодня в мире ценится куда выше новехонькой ширпотребной штамповки.

– Как выяснилось, мой муж не входит в число любителей антиквариата, – грустно улыбнулась я. – Так что виделись мы, только когда документы на развод подавали. И все. Больше у него не возникало желания со мной увидеться. Ну а о моих желаниях можете даже и не спрашивать, они все равно ничего не значат теперь. – Ой, чего-то меня понесло не в ту степь! Надо же, в меланхолию ударилась после сытного ужина! Это при всем при том, что, говорят, еда, наоборот, поднимает настроение.

Впрочем, господин Паров не дал мне заикнуться на грустных мыслях. Ничего не говоря, он просто взял и поцеловал мою руку. Честно скажу, такое в моей жизни случилось впервые! Волшебное чувство! Всю меланхолию сразу будто веником смело. Я благодарно улыбнулась мужчине. Именно так: мужчине, а не следователю. А как следователю мне очень захотелось ему помочь, поэтому я пообещала:

– Завтра, когда буду разбирать весь этот кавардак, я перетрясу каждую вещь. И если найду хоть что-то такое, что не валялось бы в этой квартире со дня ее сотворения, то сразу позвоню вам, чтобы вы приехали посмотреть.

– Это было бы замечательно! – обрадовался Паров. – Позвоните мне в любом случае, сейчас я дам вам свой телефон. Силантьеву можете не звонить, я сам введу его в курс дела.

Он не только дал телефон, он, перед тем как уйти, мне еще и крючок привинтил к входной двери, которая лишилась моего доверия. И тумбочку до нее дотолкал, которой я на всякий

случай должна была еще забаррикадироваться после его ухода. Что я и сделала, закрыв за ним дверь. И слушала, как он спускается по лестнице. Думаете, я размышляла в этот момент о том, что завтра же мне нужно будет сменить дверной замок? Как бы не так! В этот момент я думала о том, что я – женщина! Вот, оказывается, как! Не мать, не жена, не домохозяйка, не тягловая сила для преодоления повседневных забот, а женщина! Как мало, оказывается, нужно было для того, чтобы это почувствовать! Просто чтобы мужчина вдруг взял и поцеловал тебе руку! И как много лет пролетело, прежде чем это случилось!

Когда внизу хлопнула подъездная дверь, я, пренебрежительно переступая через хаос на полу, подошла к большому зеркалу и посмотрелась в него. И застыла, разглядывая свое отражение. Может, девочки лет двадцати от роду и назвали бы меня пренебрежительно «теткой не первой молодости» или еще как-нибудь в том же духе. Но знаете, что я могу на это ответить? Что человек не стареет! Просто в его глазах с возрастом начинают молодеть окружающие. Вот так вот! И пусть вокруг меня с каждым годом становится все больше молодых – это же прекрасно, что я в таком окружении! Как и то, что мне до списания еще бегать и бегать. Потому что сейчас мне очень даже нравится то, как я выгляжу. Волосы, выющиеся от природы и практически без седины, и лицо, заметно похудевшее, с подтянувшимся подбородком, отчего стало выглядеть моложе, и фигура с явно обозначившейся талией. Спасибо Ирке! Какая она все-таки молодец, что пинками загнала меня в этот фитнес-клуб! И... Ой! Только сейчас я осознала, что после ванны накинула на себя шелковый халат, надев перед тем трусики, но совершенно забыв про лифчик! И что все мои верхние прелести все это время вызывающе облегались тонкой материей! Вот отожгла! А может, Паров ничего такого не заметил? Вряд ли! Он человек наблюдательный! Вот ведь незадача! Устроила дома шоу! Пусть и не стриптиз, но, знаете ли, тоже представление хоть куда! Но теперь кидаться и судорожно натягивать на себя бюстгальтер все равно было поздно. Поэтому я... скинула с себя халат на пол и осталась перед зеркалом в одних трусиках, разглядывая свою фигуру теперь уже без помех. Постояла, повертелась. А что, ничего так! И грудь в том числе! Может, и невелика, но зато вполне еще упруга. Это меня очень даже утешило: если уж так получилось, что выставила напоказ, то, по крайней мере, были все шансы надеяться на то, что увиденное понравилось. Так что теперь с чистой совестью могу краснеть только за само представление, а не за качество представленного товара... Тьфу, что ж это я вытворяю и о чем при этом думаю! Я поспешно подняла и снова надела халат. Затянула поясик на талии, пусть и не очень тонкой, но все же имеющейся в наличии. Взглянула на себя, пунцовую... и тут же сама себе улыбнулась, озорно подмигнув: «Живем, Людка! Живем! Потому что жизнь прекрасна, и совершенно не стоит отказываться от нее лишь потому, что какой-то старый сыч променял тебя на молоденькую!»

С этими мыслями я в тот вечер и заснула. И спала, надо сказать, очень даже неплохо! И вообще смело могла бы назвать пролетевший вечер своим вторым днем рождения. Не только потому, что сумела спастись от трех не в меру резвых парнишек, а еще и потому, что мир для меня вдруг внезапно переменился. Нет, я не положила глаз на господина Парова, ведь я даже не знала, женат он или нет, а свои собственные воспоминания были еще слишком свежи для того, чтобы я могла позволить себе причинить такую боль другой женщине. Но просто я вдруг совершенно иначе стала смотреть на мужчин, да и на все вокруг в целом тоже.

...Встав с утра пораньше, я выполнила несколько несложных асан из йоги, которым меня обучили на фитнесе, заварила себе кофе. И главное – накрутилась так, что Ирка осталась бы мною довольна.

Вечером у меня появился шанс проверить Иркину реакцию: она мне позвонила, как будто что-то почувствовала. Ну, я по пути на проходную и рассказала ей обо всем, что пережила накануне. Да, Ирке – именно обо всем, включая свой приступ нарциссизма перед зеркалом.

Как и следовало ожидать, Ирка меня за это лишь похвалила от всей души, а вот все остальное ее встревожило.

– Это что, получается, твой козел и тебя втянул в какие-то разборки? – загремела она. – Людка, жди меня на проходной! Я сейчас подъеду и сама тебя домой отвезу. Заодно и замок по дороге купим.

Купили. Ирка взяла мне его в подарок, потому что со знанием дела выбрала такой, какой мне был бы не по зубам из-за его цены. Так что я оплатила только услуги специалиста, тоже рекомендованного Иркой. Она созвонилась с ним, и мы прихватили его в машину по пути.

Пока мальчик врезал замок, Ирка прошлась у меня по квартире, разглядывая все еще не ликвидированный погром.

– Искали что-то маленькое, – заключила она.

– Ну, ясное дело, не пылесос, – фыркнула я в ответ.

– Очень маленькое, – уточнила Ирка. – Мог твой тайком от тебя где-нибудь карту памяти примостить? Или флешку?

– Он не любитель электронных носителей информации, – сообщила я. Потом, оглядев на совесть разгромленную квартиру, добавила: – И раз уж даже эти тут ничего не нашли...

– Жалко, что не нашли. Пусть бы лучше забрали, и дело с концом. Тебе в дела твоего козла незачем впутываться. Так что, Людка, будь теперь осторожна! Не знаю, с чего эти бандюганы решили, что у тебя до сих пор есть какая-то связь с Гутяриным, но они именно так и думают, это точно! Иначе не пытались бы тебя изловить! А раз им это не удалось, то они могут еще раз попробовать. Они ведь знают, где ты живешь, а дальше уже дело техники! Подкараулить тебя у подъезда да проследить за тобой, пока ты не окажешься в каком-нибудь темном уголке – это несложно, даже одному, а не то что троим! Так что ты теперь отзванивайся мне каждый вечер! Если не дождусь твоего звонка – буду сама звонить, уже в полицию! Да, и еще! Давай-ка мы с тобой специальный отслеживающий «маячок» к тебе в сумочку запихнем! Сумка у тебя всего одна на все случаи, так что тебе даже вспоминать про него не придется при выходе из дома. А я, если что – хотя боже нас от этого упаси! – буду иметь возможность определить, где ты находишься! У меня дома как раз есть подходящая штучка, я в ней только батарейку поменяю и тебе принесу.

– Договорились, – кивнула я, внутренне порадовавшись за Ирку: если к себе на время переехать не предложила – значит, либо со старым воздыхателем помирилась, либо нового успела завести. В любом случае молодец!

Впрочем, к Ирке переехать мне и так и так оказалась бы не судьба. Вечером следующего дня, как только я вернулась домой и отзвонилась ей, что со мной пока все в порядке, позвонила мне Любанька, старая моя приятельница, и с ходу озадачила прямо в лоб:

– Людок, мне нужно срочно к сынуле уехать, там у него снова проблемы. Ты Дрейка не заберешь к себе где-то так на недельку?

– Сейчас? Даже не знаю... – Я замолчала, размышляя. С одной стороны, Дрейкуся, великолепная немецкая овчарка, монстр около шестидесяти кило весом, вполне может отпугнуть от меня всяких там похитителей. А с другой стороны, а ну как с ним самим при этом может что-то случиться? Я же в жизни себе не прощу, если вдруг по моей, пусть даже и косвенной, вине пострадает собака. Тем более такая дивная, великолепная, сногшибательная (и не только в переносном смысле, летали, знаем) собака, как Дрейк.

– Людок, выручай! – прерывая мое задумчивое сопение, донеслось из трубки. – Ехать необходимо срочно, а Дрейка мне оставить не с кем. Если не с тобой, то из вариантов остается только свекровь.

– Вези! – тут же сдалась я. Нет, что бы со мной Дрейку ни грозило, а Любанькина свекровь в любом случае хуже того. Собак она попросту ненавидит и над Дрейком, благородней-

шим псом, будет изошренно издеваться всю неделю, то с едой, то, самое главное, с прогулками. В прошлый раз, когда я не смогла забрать его к себе (проблемы у Любанькиного недоросля возникают регулярно), у пса после такой передержки разыгрался цистит. А он такого обращения точно не заслуживает.

Дрейкуся заявился ко мне где-то через полчаса, шутя затащив с собой на этаж хозяйку. Топая по полу и высунув язык, ввалился в прихожую, оттеснил при этом к стенке и меня, и Любаньку: просто его светлость большие, им места надо много. Подождал, пока оботру ему лапы. Раньше мой неблаговерный всегда ворчал, когда у нас оставляли Дрейка: мол, от собаки одна только грязь. Ну да, себя-то он не видел, и того, что после него самого оставалось. А на самом деле Дрейкусяка очень аккуратный мальчик. Подал все лапы по очереди, потом вскинул на меня глаза: все, или еще что-нибудь оботрем?

– Проходи, толстый. – Я сгребла в охапку собачью морду и чмокнула оную, прежде чем отпустить.

– Ну, вижу, вы не заскучаете вместе, – сказала с порога Любанька, даже не раздеваясь. – Ладно, я тогда полетела, а то у меня поезд через час. Потом, как приеду, расскажу, что случилось.

С этими словами она убежала.

А мы с Дрейком принялись за уборку моей разгромленной квартиры. Дрейк честно участвовал: где бы я ни бралась убирать, он ложился рядом и смотрел на меня своими умными золотисто-коричневыми глазами. Когда этот взгляд становился подозрительно невинным или чересчур честным, я брала Дрейкуся за морду, раскрывала пасть и вытряхивала ее над полом. И ни разу не ошиблась: то у него в пасти оказывалась силиконовая стелька, то кожаная перчатка, то еще какая-нибудь приятно жующаяся мелочь, которую я успевала спасти от его компостера.

Приведя квартиру в более-менее божеский вид, я отзвонилась следователю Парову. Рассказала ему, что за два дня уборки так и не нашла в квартирном хаосе ничего, заслуживающего внимания. Потом, отвечая уже на его вопросы, отчиталась, что не только поменяла замок, но еще примерно на неделю обзавелась остроухим сторожем. Он просил меня все-таки не забывать про осторожность и звонить ему. Я пообещала.

А следующим утром я явилась на работу с расцарапанной мордой. Своей, не собачьей. Коллеги в основном деликатно отводили глаза, то ли зная мое непростое семейное положение, то ли еще по какой причине. И только Ирка, доставившая-таки ко мне в сумочку свой «маячок», а потом взявшаяся меня подвезти, потребовала объяснений.

– Только не говори мне, что ты напоролась на кактус, – сказала она, демонстративно убирая руки от ключа зажигания: не заведусь, мол, пока мне все не расскажешь.

– А что ты ожидаешь от меня услышать? – поинтересовалась я. – Что у меня ухажер появился и его жена прибежала ко мне на разборки?

Судя по Иркиному лицу, она ожидала именно чего-то в этом духе. Пришлось разочаровать, рассказав ей голую правду. Которая, разумеется, заключалась совершенно в другом. А дело было так: пошли мы с Дрейком сегодня с утра гулять. Мой умница шел, не дергая за поводок, а подстраиваясь под мой шаг. Переходили мы спокойно от кустика к кусту, получая удовольствие от утренней свежести и пения птичек. Пока все их прелестное щебетание не перекрыла другая птичка. Ворона с луженой глоткой орала где-то впереди и сверху. И не просто орала. Четко и ясно было слышно в ее голосе издевательское: «Ха! Ха! Ха!» Естественно, мне стало интересно, над кем это она там так потешается. И поскольку Дрейку было неважно, куда мы идем, я решила прогуляться на «ангельский голосок», взглянуть, что же там такое происходит.

Так, на голос, мы с Дрейком и дошли до дерева, на котором сидел кот. В общем-то, толстый, матерый, явно домашний котище. Но в данный момент – еще и жалкий, и очень злой. Оттого, что забраться-то на дерево сумел, а вот со спуском возникли проблемы. С котами иногда такое случается. И сидел он теперь, поджав уши, на ветке. А на другой ветке сидела злорадствующая по этому поводу ворона. Глядела на кота почти в упор. Кот из-за этого только что не кипел. Он бы сожрал эту ворону живьем и вместе со всеми перьями, если бы только смог до нее добраться. Но не мог. Ему было страшно, он боялся высоты и летать не умел. Этим ворона и пользовалась, получая удовольствие по полной программе. Как только кот делал попытку пятиться задом к стволу, она раскрывала свой клюв без сыра, и оттуда несло... нет, не карканье, а гомерический хохот, который и привлек мое внимание. Кот, свирепея, делал шаг в сторону вороны. Больше не смел, храбрость и земное притяжение не позволяли. И тут ворона снова хохотала ему в лицо. До тех пор, пока кот, ощутив под лапами неверное покачивание ветки, снова не начинал отступать. Я немного полюбовалась на это бесплатное представление, а потом решила внести в него свои коррективы. Во-первых, потому, что кота было жалко. Ну а самое главное, потому, что я ворон не люблю. Умные они птицы, тут уж нечего возражать. Но до чего же поганые! Я, во всяком случае, не встречала существ дряннее. Поэтому, не особо раздумывая, я привязала Дрейка к стволу, а сама принялась карабкаться на дерево – благо, одета была соответственно. Вспомнила юные годы. Тут зацепилась, там подтянулась. Ворона ненадолго заткнулась, оценивая меня сверху. Потом, видимо, решила, что я для нее – не помеха, а лишь еще одно развлечение, и снова переключилась на кота, который пока что был ближе. Ну, кот котом, а я тоже потихонечку приближалась, и не так уж плохо у меня получалось, надо сказать. Да и дерево, к счастью, было не из тех, что макушками метут облака. В общем, довольно скоро я уже добралась до нужной ветки. Что, как выяснилось, было гораздо проще, чем оторвать от нее кота. Кот орал дурным голосом, уже не обращая внимания на откровенно потешающуюся ворону, и всеми своими когтями был против расставания с веткой. Настолько, что если бы я на нем повисла, он бы, наверное, и меня удержал. Но все же, путем сложных манипуляций, мне удалось отделить кота от дерева, после чего мы начали спускаться. Как показала практика, кот был прав: подниматься на дерево было проще. Спускаться, наверное, было бы тоже не так сложно, если бы котяра не пытался уцепиться буквально за каждый сантиметр ствола. И еще, если бы я, отправляясь за ним, хоть немного думала головой... Об этом я запоздало спохватилась, когда до земли оставалось всего ничего. Привязанный к стволу Дрейк, болевший за меня, радостно затоптался подо мной, предвкушая встречу. Я легкомысленно привязала его именно к этому стволу, потому что прекрасно знала: Дрейк никогда в жизни не обидит без причины ни одно живое существо, включая котов. Вот только коту я рассказать об этом забыла. А он и не спрашивал. Морально выпотрошенный, измученный телом и душой, котяра, естественно, мечтал сейчас о чем угодно, кроме встречи с собакой. И как только заметил под деревом этот «десерт своих злосключений», так все и произошло. Что именно? Да если бы я знала! Ворона даже каркнуть не успела, как я, сорвавшаяся и исцарапанная, уже валялась на земле под деревом, и Дрейк топтался по мне, участливо заглядывая в лицо, в то время как мерзавца кота будто ветром сдуло. Дрейка в отличие от кота мне пришлось спихивать с себя обеими руками. Потом я поднялась, опираясь на собачью спину. Глаза как будто были на месте, но царапина на лице и на шее горела так, что из них выступали слезы. И бешенство просто душило, так что я едва сдержалась, чтобы не наорать на радостно приплясывающую собаку.

– Ха! Ха! Ха! – за компанию с Дрейком порадовалась с дерева еще и ворона.

Ну, уж из-за этой-то я сдерживаться не собиралась! Давая выход всей своей ярости, я схватила с земли какой-то толстый сучок и, размахнувшись со всей дури, запустила его вверх. И – надо же! – попала! Даже не целясь! Правда, не по вороне, а по ветке, на которой она сидела. Но этого оказалось достаточно, чтобы свершилась моя месть: ветку тряхнуло с такой

силой, что ворона не удержалась на ней. Мало того: сорвавшись, она камнем полетела вниз, будто разучилась пользоваться крыльями или вовсе про них забыла. Вспомнила только тогда, когда уже перед самым своим клювом обнаружила довольную, предвкушающую знакомство песью морду. В панике заорала, заполошно захлопала крыльями и, с огромным трудом взмыв вверх, совершила тяжелую посадку на ближайших кустах. Точнее, просто шмякнулась в них откормленным задом.

– Так-то вот, додохоталась. – Не глядя на нее, я осторожно промокнула лицо носовым платком. Потом отвязала Дрейка, и мы с ним пошли домой, по пути высматривая полосатого негодяя, который с нами даже не попрощался. Ворона тихо и горестно охала нам вслед. Что-то неразборчивое, но, скорее всего, отборно-матерное.

– Да ну тебя, Людка, у меня из-за тебя сейчас косметика поплывет! – воскликнула Ирка, хохоча над моим рассказом.

– Значит, надо было про кактусы слушать, когда предлагали, – парировала я. – Кстати, котяру я встретила, когда пошла на работу. Продефилировал мимо меня с таким видом, как будто не я его спасла, а он мне милость оказал.

– Он хотел тебе сказать: «Не умеешь – не берись!» – подколола Ирка. – Ну а то, что Дрейкуся сейчас с тобой, это как раз кстати. Что ни говори, а защитник.

– Разве что психологическое оружие, – возразила я. – Любанька долго с ним маялась, пытаясь научить его атаке на рукав, но, по-моему, особых успехов так и не добилась.

– Потому что любая умная собака сразу поймет, где серьезная опасность, а где перед ним просто придуриваются. Впрочем, я заказала тебе хороший перцовый баллончик, через пару дней привезут. Будешь носить его всегда с собой, и, если что, прыскай этим гадам в морду.

– Это можно, – покладисто согласилась я. Не отказалась и тогда, когда Ирка пригласила меня к себе ненадолго, сообщив, что у нее есть какой-то волшебный заживляющий крем, после которого от моих царапин в два дня ничего не останется. Ну, Иркину косметику я уже испытывала на себе, поэтому не стала в ней сомневаться. Мы заехали к ней домой, она мне вынесла баночку, а потом отвезла меня восвояси. Хотела проводить меня до квартиры, но я настояла на том, чтобы она ждала в машине, когда я выгляну из своего окна и ручкой ей помашу: напади на меня в подъезде, Ирка все равно была бы мне не помощница, а так хоть полицию вызвала бы, если вдруг что. Но, к счастью, никого вызывать не пришлось. Я благополучно добралась до своего жилья, и мы с Иркой обменялись воздушными поцелуями: я из окна, она из машины. После чего она уехала, а я занялась ужином, главным образом для Дрейка, а потом мы с ним пошли гулять.

Гуляли мы долго. Дрейкуся, хоть и вида не подавал, а скучал по своей хозяйке, так что хотелось его немного развеять. А кроме того, в эту вечернюю пору вышли на улицу хозяева множества шавок. Поясняю: в моем понимании шавки – это то, что прихлопнуть можно на раз, только они сами этого не понимают, понтов у них в три раза выше макушки, и кидаются они на все, что движется, щедро брызжа слюной. Хозяева у них, кстати, тоже соответственные (у умных хозяев собаки так себя не ведут), поэтому, не желая затевать шавкоубийство, мы с Дрейкусей ушли от этой твякающей помойки подальше. Забрели в самый дальний угол парка, что возле нашего дома, где, как я надеялась, бандиты даже не догадались бы меня искать. Там побегали, попрыгали, в мячик поиграли. И не знаю, как для Дрейка, а для меня время пролетело незаметно. Опомнилась только, когда мячика совсем уж не стало видно.

– Друг мой, а не пора ли нам домой? – спросила я у Дрейкуси.

Мой умница в ответ сам отыскал и принес мне свой мячик, и мы с ним пошли. Привязывать я его не стала: во-первых, народу на улице уже не наблюдалось, а во-вторых, надо ли привязывать собаку, которая слова понимает гораздо лучше иных людей? Лишь у лавочек, почти уже на границе парка, я на всякий случай взяла Дрейка за ошейник: мало ли, молодежь там нетрезвой компанией собралась? Кто-то маячил неясными силуэтами, точнее было

не разобрать. Я, собственно, и не собиралась разглядывать, намереваясь как можно быстрее прошествовать мимо. Прошла. Вслед мне кто-то тренькнул гитарой, пробуя струны, и ворчливо пожаловался:

– Темно!

– Нормально, – возразили ему. – Сумерки как сумерки. Зато скамейка целая.

Ага, понятно! Лавочку, стоящую в кустах возле дома, отчего-то одинаково любили как оседлать на всю ночь, так и разворотить на отдельные составляющие. Не знаю, чем уж и перед кем она умудрялась провиниться, но происходило это с завидной регулярностью. Будь она современная, пластиковая, для нее с первого же раза все было бы кончено. Но лавочка была старенькой, деревянной. Поэтому каждый раз находился кто-то, кто сколачивал ее заново, чтобы опять повторился этот лавочный круговорот. Вот и сегодня для гуляк оказался не сезон, лавочка снова была разломана. Ну, мне оно было даже лучше. Тише и спокойнее мимо нее, пустующей, проходить. Я снова отпустила Дрейка: пусть разомнется напоследок, ведь шавок поблизости тоже уже не наблюдалось. Нет, вы только не подумайте, что я не люблю всех маленьких собак! Есть у меня в друзьях чуда чудные, очень удачно сочетающие в себе как маленькие размеры, так и благородство души. Хотя Дрейкуся я люблю все равно больше. Но это не из-за размера. Он же просто вырос у меня на глазах. Я еще помню, как он, маленький, путался в своих непропорционально огромных лапах. И как, пытаюсь что-то понять, забавно морщил лоб, а недавно вставшие уши сходились при этом над макушкой «домиком». Потом были первые выставки, на которых тетя Люда волновалась, наверное, даже больше мамы Любы. Напрасно. Дрейкуся у нас оказался чемпионом, и я давно уже запуталась в его громких званиях. Куда хуже экстерьера оказалось с дрессировкой. Общий курс Дрейк усвоил на раз, с ним почти не пришлось заниматься. А вот когда дошло до задержания преступников, тут возникли проблемы: то ли Дрейкуся оказался слишком добрым, то ли, как подозревает тетя Ира, слишком умным для того, чтобы не отличить подлинного злодея от кривляющегося ассистента. Он рассматривал этих ассистентов, склоняя голову то на один, то на другой бок, он по приказу брал их рукав себе в рот и смотрел при этом на маму Любу с немимым вопросом: «Ну и когда мне можно будет это выплюнуть?» И все.

– Вот она. А ну, замри! – возле той самой разломанной деревянной лавочки вывел меня из задумчивости тихий и зловещий голос. Я вздрогнула, огляделась. Поздно. Передо мной, в сумерках под разбитым фонарем, маячила смутно знакомая фигура, чуть в стороне и немного сзади угадывались еще две. Весь комплект в сборе! Снова подкарауливший меня, теперь практически возле подъезда, по темным окнам сообразив, что я еще не вернулась домой.

– Дрейк, стоять! – крикнула я, увидев, как он появляется из кустов. Пес послушно замер, пытаюсь оценить ситуацию. А вот бандитам, судя по сорвавшемуся у них восклицанию, она с первого же взгляда не понравилась. Что-то щелкнуло, и у того из них, который стоял впереди, сверкнул в руке нож. Наверное, тот самый, которым он тыкал мне в бок при первой попытке похищения.

– А-а-а!!! – Мне так и не суждено было узнать, насколько хорошо ходит на рукав мой Дрейкуся в случае реальной угрозы. Потому что, как выяснилось, я хожу на рукав гораздо, гораздо лучше, чем даже самые признанные чемпионы по задержанию. Едва только осознав, что моему уму угрожает опасность, я кинулась вперед взбесившимся танком, поднырнула бандюге под свободную руку и, не имея при себе другого оружия, со всей своей дури впцепилась зубами в ту его руку, в которой был нож. Дури у меня, как выяснилось, хватало с избытком. Бандит заорал, как будто его не разоружили, а зарезали тем самым выпавшим ножом. Схватился за руку, заплесал на месте. Оставшиеся два бандита ненадолго замешкались: то ли так ошалели от увиденного, то ли подействовало, что Дрейк сделал шаг вперед и зарычал. Seriously

так, убедительно. Я впервые слышала, чтобы он рычал, не отнимая мячик в игре, а делая кому-то внушение.

– Стоять, Дрейк! – тем не менее снова крикнула я. Почти одновременно с этим схватила с земли доску, запчасть от разломанной лавочки, и от всей души огрела покусанного мною и все еще не разогнувшегося бандита по так удобно подставленному затылку. После этого, по всем канонам жанра, бандиту полагалось закатить глаза и картинно рухнуть на травку без чувств. Однако конкретно этого бандита мой удар, напротив, почему-то очень даже взбодрил: он заорал еще громче прежнего и заплясал еще веселее, держась теперь уже обеими руками за голову. Что не так?! Я мельком взглянула на доску, и тут мне самой стало больно. Мама дорогая! Из конца доски, оказывается, торчали сразу два гвоздя! И не маленькие! Может, и не «сотки», но «пятидесятки» – это уж точно! Я, в ужасе от содеянного, взвизгнула и отбросила от себя эту доску прочь. Так получилось, что прямо под ноги двоим другим моим недругам, как раз решившим, что пора наконец вмешаться. Их короткий рывок вперед закончился двукратным отборным матом, доска на земле шевельнулась, а сами они почти синхронно бухнулись на землю. Доска с ними. Тут я поняла, что случилось, и почувствовала себя совсем уж законченным садистом. Оказывается, гвозди торчали не из одного конца доски, а из обоих. И каждый из двух бандитов, с лету наступив на брошенную под ноги доску, умудрился нанизаться подошвой на «свой» комплект. Ну а хорошему гвоздю, как известно, подошва башмака – не препятствие. Тем более что это были, кажется, все-таки «сотки».

– Ну извините! – громко сказала я, глядя на эту стонущую и корчащуюся компанию. – Сами виноваты. Да, и передайте тому, кто вас послал: я ничего не знаю! И нет у меня ничего! Так что он идет по ложному следу.

Ответили мне, разумеется, матом, но я уже схватила Дрейка за ошейник и поспешно покинула поле брани, торопясь укрыться в родном подъезде, пока эта компания не очухалась.

До квартиры я добралась героем, а вот как только заперла за собой дверь, тут меня и накрыло: я сползла, привалившись к двери спиной и чувствуя, как дрожат все поджилки. Дрейкуся непонимающе уставился мне в лицо: «Ты чего, тетя Люда, мы же их разогнали! Так что давай уже мне лапы вытирать, вместо того чтобы в неподобающем месте отсиживаться!»

– А если бы с тобой что-то случилось? – выдохнула я, обнимая эту лохматину за шею. О себе на этом фоне как-то уже и не думалось. Да Дрейкуся долго думать и не дал. Не успела я руки разжать, как он оттащил меня от двери и застыл передо мной, то преданно глядя мне в лицо, то с намеком себе на лапы. Пришлось собирать все свои поджилки в кучу и заниматься тем, чем меня просили. А потом еще и кормить эту песью морду, даже не подумавшую терять аппетит. Мне же самой даже думать о еде не хотелось, все равно кусок бы в горле застрял. Зато я подумала, что если так и дальше пойдет, то я скоро похудею до стандартов модели. Если раньше инфаркт меня не прихватит.

Следовательно Парову я позвонила после того, как выставила Дрейка из кухни. До этого как-то и мысль об этом мне в голову не пришла, да и способность нормально говорить не сразу вернулась. Кстати, и номер я набирала все еще дрожащими пальчиками.

– Да, Людмила Ивановна? – отозвался он почти сразу.

– У меня тут событие произошло, – сообщила я, не продумав заранее, что скажу.

– С вами что-то случилось? Вы целы? – встревожился он.

– Да... Кажется... Если моральные травмы не в счет. Так что если вам для протокола нужно, то я смогу преподнести рассказ на пару страничек.

– Давайте не по телефону. Вы где сейчас? Дома? Можно я к вам заеду?

– Да не вопрос. Только есть у меня, как обычно, нечего. И в магазин я сейчас ни за что не выйду, хоть что со мной делайте.

– Значит, заеду не один, а с котлетами. – Кажется, он улыбнулся, прежде чем отключиться.

Я стала ждать. Переоделась. Решив отсрочить его знакомство с Дрейком, закрыла пока мою умницу в комнате, сама же хоть чайник поставила, так как все равно ничего другого не оставалось. Приехал он где-то через полчаса. С пакетом, который сразу отнес на кухню и начал потрошить, выкладывая содержимое на стол.

– Рада вас видеть! – вырвалось у меня. – Только не подумайте, не из корыстных побуждений.

Оторвавшись от своего занятия, он взглянул на меня. Заметил мою царапину. Разогнулся, шагнул ко мне и осторожно провел по лицу рукой:

– Это что?

– О, это уже старые раны, – отмахнулась я. – С тех пор у меня еще накопилось, что рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.